ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

При чтеніи воспоминаній А. Н. Супонева о Севастопольской эпохѣ („Русскій Архивъ“, Декабрь 1895) я встрѣтилъ совершенно ошибочно поставленные эпитеты при упоминаніи генерала Реада.

На стр. 261-й сказано: „главная атака возложена была на 3-й корпусъ генерала Реада, *прославившагося своею храбростью на горахъ Кавказа*“; на стр. 263-й: „хотя генералъ Веймарнъ предупреждалъ Реада, что тутъ недоразумѣніе и что осторожнѣе будетъ подождать вторичнаго разъясненія, но *Кавказскій герой*, подождавъ нѣсколько минутъ“, и т. д.

Генералъ Реадъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіе князя Воронцова, какъ пользовавшійся извѣстностью хорошаго кавалериста, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться полезнымъ на Кавказѣ. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Тифлисѣ, генералъ Реадъ ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ участія не принималъ, *на горахъ Кавказа* былъ только проѣздомъ, въ экипажѣ, по Военно-Грузинской дорогѣ, проявить свою храбрость (въ которой я, впрочемъ, не думаю сомнѣваться), случая не имѣлъ, и потому званіе „Кавказскаго героя“ знавшими его людьми можетъ быть принято за шутку.

Въ несчастномъ сраженіи 4-го Августа 1855 г., когда насъ „нелегкая несла горы занимать“, сколько мнѣ извѣстно, былъ единственный Кавказскій герой, подполковникъ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, шедшій въ атаку съ батальономъ Одесскаго егерскаго полка и вынесенный изъ крововаго боя съ прострѣленною на вылетъ грудью. Это была уже вторая рана на вылетъ въ грудь (первую онъ получилъ семью годами ранѣе, при взятіи въ Дагестанѣ въ 1848 году укрѣпленнаго аула Гергебиль). Вотъ, князя Мирскаго дѣйствительно можно было назвать Кавказскимъ героемъ, если вообще награждать этимъ эпитетомъ людей, заявившихъ свою храбрость на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ, которая все терпитъ.

Но, въ сущности, я вовсе не объ этомъ хотѣлъ поговорить.

Чтеніе строкъ, упоминавшихъ о Реадѣ, перенесло меня мысленно за полвѣка назадъ къ Кавказу, Тифлису, къ незабвеннымъ временамъ кн. М. С. Воронцова, временамъ необычайной, всеоживляющей, жизнерадостной

картины, когда Кавказъ вообще, а Тифлисъ въ особенности, какъ бы проснулись отъ тяжелаго долгаго сна, сбросивъ старческую угрюмость и, съ свойственной всему молодому улыбкой, вышли на встрѣчу грядущему довольству. И все это превращеніе какъ-то внезапно, будто по мановенію волшебнаго жезла, свершилось силою одного имени, одного нравственнаго воздѣйствія М. С. Воронцова. Не взирая на крайне несчастный первый шагъ князя въ войнѣ противъ Шамиля (Даргинская экспедиція 1845 г.), никакого унынія не явилось. Многіе знали, что планъ экспедиціи былъ составленъ и навязанъ кн. Воронцову въ Петербургѣ, а кто этого не зналъ, съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрилъ въ успѣхъ въ близкомъ будущемъ. Въ дѣлѣ же общаго благоустройства и преуспѣянія края такъ были увѣрены, что только и слышны были толки: князь Михаилъ Семеновичъ намѣренъ построить тутъ мостъ, театръ, тамъ дорогу, тутъ учебное заведеніе, тамъ складъ товаровъ, тутъ каналъ, завести пароходы или развести шелководство, улучшенныя породы животныхъ и т. д. и т. д.

И удивительно, что тогда уже 65-лѣтній старикъ, съ разстроеннымъ, искусственно поддерживаемымъ здоровьемъ, князь работалъ безъ устали, справляясь съ массой разнородныхъ военныхъ, гражданскихъ, судебныхъ, дипломатическихъ дѣлъ, находя время для всякаго рода проектовъ, пріемовъ, разъѣздовъ по краю, огромной корреспонденціи съ сотнями разныхъ лицъ, начиная отъ наивысшихъ правительственныхъ сферъ и кончая садоводами, овцеводами и т. п. Сколько силы воли нужно было имѣть человѣку, обладавшему уже такимъ высокимъ положеніемъ, Европейскою славою, большимъ богатствомъ, полною возможностью наслаждаться послѣдними годами жизни на покоѣ, въ прелестной Алупкѣ, или гдѣ нибудь въ Каннѣ, Ниццѣ, чтобы при всемъ этомъ не отказываться отъ службы государству, службы тяжелой, сопряженной съ непріятностями, въ борьбѣ то съ не всегда удачными военными дѣйствіями, то со шпильками изъ нѣдръ Петербургской бюрократіи.

Государственный человѣкъ, воспитанный на Англійскихъ образцахъ, съ продолжительной практикой администратора Новороссійскаго края, князь Воронцовъ не могъ не понимать важнаго значенія печати. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было основаніе въ Тифлисѣ газеты „Кавказъ“, подъ редакціею приглашеннаго изъ Петербурга прекрасно образованнаго, даровитаго Константинова.

Въ первомъ же году появленія газеты, при распространенныхъ слухахъ, что князь относится съ большимъ интересомъ къ ея успѣху и намѣренъ цѣнить ея сотрудниковъ, изъ разныхъ уголковъ Кавказа появились корреспонденціи и статьи, полныя интереса, знакомящія съ мѣстностью, бытомъ населенія, характеромъ горной войны и т. п. Многое отличалось талантливостью изложенія и доставляло заброшеннымъ въ глухія трущобы читателямъ прямое наслажденіе, тѣмъ болѣе понятное въ такое время, когда періодическая пе-

чать въ Россіи была въ зачаточномъ состояніи, а до Кавказскихъ укрѣпле- ній, станицъ и ауловъ даже „Инвалидъ" рѣдко доходилъ.

Въ число увлеченныхъ „Кавказомъ" въ сонмъ пишущей братіи по- палъ и я. Почти *охевсуривиіійся* юноша, я весь виталъ тогда въ мечтаніяхъ о джигитствѣ, о военныхъ подвигахъ въ родѣ набѣговъ, засадъ и истреб- ленія Лезгинскихъ хищниковъ, какъ это продѣлывали Тушинцы... На писаніе я смотрѣлъ съ исключительно канцелярской точки зрѣнія, какъ на непріят- ную служебную обязанность; но чтеніе „Кавказа" дало толчокъ, а незаслу- женные комплименты редактора Константинова и его убѣжденія не прекра- щать сотрудничества, могущаго сдѣлать меня лично извѣстнымъ князю Ми- хаилу Семеновичу, послужили поводомъ моего дальнѣйшаго, довольно усерд- наго участія въ газетѣ. Я описывалъ мѣстности горнаго округа, нравы и обычаи его населенія, среди котораго жилъ и т. п.

Первое мое произведеніе—разсказъ о встрѣчѣ и пораженіи 8-го Іюня 1845 г. партіи Лезгинъ, пробиравшихся въ Кахетію для разбоевъ, произве- деніе само собою школьническое, явилось въ газетѣ „Кавказъ" въ Апрѣлѣ 1846 г. Такимъ образомъ я близокъ къ пятидесятилѣтнему юбилею. И по- нятно, какъ воспоминаніе объ этихъ первыхъ шагахъ на литературномъ полѣ дорого мнѣ, какъ оно возстало теперь предъ моими старческими гла- зами въ прекрасной, никогда незабываемой декораціи шумящей, быстро бѣ- гущей, форелеобильной Іоры, ревущаго Аргуна, увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣ- гомъ громадъ, мрачныхъ, прилѣпившихся къ скаламъ, какъ орлиныя гнѣзда, ауловъ Хевсуръ и Пшавовъ, скачущихъ по тропкамъ надъ безднами, по полуотвѣснымъ каменистымъ кручамъ, всадниковъ,—всей этой грозной, ди- кой природы, этого своеобразнаго міра, возбуждавшаго въ душѣ моей, да вѣроятно въ душѣ каждаго юноши, скрытыя искры поэзіи!..

Съ тѣхъ поръ газета „Кавказъ" продолжаетъ существовать, и я убѣж- денъ, что если просмотрѣть ее за всѣ 50 лѣтъ существованія, можно бы собрать богатый матеріалъ для исторіи завоеванія и владычества нашего на Кавказѣ, со многими подробностями, отсутствующими въ оффиціальныхъ до- кументахъ.

А. Зиссерманъ.

Декабрь 1895 г.